

СБЕРЕЧЬ «ЧАЙКУ»

ХУДОЖНИК И ВРЕМЯ

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ театр — это столь же прекрасно, как Третьяковская галерея или храм Василия Блаженного.

Так сказал Горький полвека назад. Эта высочайшая из оценок, которой только может удостоиться какой-либо драматический театр, естественно, вроде бы не должна относиться к нам, работающим во МХАТе сегодня. А получается, что все-таки относится.

Нынешним летом мы приехали на Урал, и в каждом из городов — а выступления наши проходили одновременно в Свердловске, Челябинске, Магнитогорске и Нижнем Тагиле — нас встречали и воспринимали не просто как столичных артистов. Зрители шли на встречу с искусством Художественного театра, именно того, который в сознании нескольких живущих поколений давно стал национальной гордостью.

А раз так, значит, всякий человек имеет на него одинаковые права. Вот говорят: театров много, но МХАТ — один. Ошибка! МХАТов столько, сколько зрителей вмещается в его аудитории. Почитайте письма, получаемые нами в великом множестве. Любое послание подспудно содержит такое мнение: «МХАТ — мой. Значит, я законно хочу видеть его таким, каким он существует в моем представлении». Одни яростно отрицают «Марию Стюарт» как искусство безнадежно устаревшее, не соприкасающееся с живой жизнью, другие так же яростно возмущаются тем, что в нашем спектакле варят сталь на той самой сцене, где некогда тосковали о светлом будущем возвышенные герои знаменитого спектакля «Три сестры».

И во время уральского путешествия — при общем очень большом и непоказном интересе, гостеприимстве и благожелательности — МХАТов было столько, сколько вмещали зрительные залы, цехи Магнитки и других крупнейших предприятий, куда мы приезжали для общения с рабочими. Людское пристрастие дорого, но оно и обязывает чрезвычайно. Как соответство-

вать легенде о том прославленном МХАТе и вместе с тем остаться живым театром, отвечающим этическим и эстетическим нормам дня сегодняшнего? Это и есть для нас проблема проблем.

Никто из наших оппонентов, восхваляющих и критикующих, добрых и сердитых, театрально образованных и неискушенных, конечно же, не догадывается, каким строжайшим и беспощадным судом судим мы себя сами. На репетициях, после очередного спектакля, на партийных собраниях коллектива, на заседаниях художественного совета и сборах труппы. Так и сейчас. Трудным гастролям сопутствовал серьезный успех (трудным — уже хотя бы потому, что выступления шли одновременно в четырех городах, и артистам, в том числе и ведущим, приходилось ежедневно преодолевать большие расстояния на поездах и самолетах). Запомнились встречи, люди, беседы. И все-таки главное, с чем возвращались домой, — еще более обострившееся чувство ответственности, какое налагает на коллектив его прославленное имя.

В. И. Немирович-Данченко часто предостерегал: смотрите, чтобы не покинула нас, не улетела в другие театральные края наша «чайка». Значит, и основателей театра заботило будущее, они боялись самоуспокоенности. Что же говорить о нынешнем поколении мхатовцев? В октябре театру исполняется восемьдесят лет. Каким же ему быть завтра?

Обновление русского сценического искусства началось на этой прославленной сцене на заре двадцатого века. Обновление, связанное не только с собственно театральной эстетикой, но и одновременно — а может быть, даже прежде всего — с пересмотром взгляда на драматическую литерату-

ру, призванную отвечать духу времени, его передовым тенденциям. Вот почему в числе основателей МХАТа вместе и наряду с великими именами Станиславского и Немировича-Данченко стоят великие имена Чехова и Горького. Наверное, в этом единстве высокой литературы с высоким искусством только и могло родиться такое уникальное явление мировой культуры.

Партия и Советское государство с первых же дней жизни молодой социалистической державы безоговорочно приняли и взяли на вооружение реалистическое искусство Художественного театра и на всех этапах его дальнейшей биографии проявляли о нем неустанную заботу.

Однако было бы естественно, если бы наше общество, в основе которого заложены принцип непрерывного движения вперед во всех сферах жизни, не требовало от флагамена советского театрального искусства постоянного, глубинного совершенствования. Для МХАТа, как и для любого другого драматического коллектива, остановиться — значит превратиться в музей, а это противопоказано Художественному театру, основанному и задуманному как храм жизни человеческого духа.

Отличительное свойство русского театрального искусства — сопереживание людей на сцене с людьми, сидящими в зале. Добиться сопереживания можно, лишь постигнув психологию ныне живущего человека во всех его жизненных связях — общественных, этических, бытовых. Этого нельзя достичь без посредства большой литературы.

На заседании бюро МГК КПСС, на коллегии Министерства культуры СССР, где в конце минувшего сезона рассматривалась работа нашего

коллектива, были высказаны пожелания, чтобы репертуар МХАТа активнее пополнялся пьесами, глубоко и масштабно отражающими внутренний мир советского человека. Это замечание совпадает с нашими собственными стремлениями.

Если оглянуться на недавнее прошлое, хочешь — не хочешь, придется констатировать, что в послевоенные годы наиболее интересные пьесы миновали подмостки МХАТа, а это не могло не сказаться на его творчестве. Классика классикой, но справедливо заметил Луначарский: ни один Шекспир не может говорить с эпохой так, как ее собственный сын. В последнее время коллектив настойчиво ищет авторов, которые идут от корней жизни, приносят на сцену опыт реальной действительности, а не испытанные драматические схемы. Если сравнить прошедшее десятилетие с предшествующим ему, окажется, что мхатовская афиша пополнилась довольно большим числом новых для данной сцены имен. Кое-что сделать удалось, но мы, как и все наши коллеги, живем надеждой, что найдем своего Чехова.

Чехов восьмидесятых годов. Кто он, какой он? На этот вопрос ответит время. Ясно, что должен появиться автор новой общественно-равноправной проблематики и новой эстетики, эту проблематику выражающей. Театр и драматургия — процесс единый, за развитие сценического искусства мы с драматургами отвечаем в одинаковой мере.

Как главный режиссер и как артист я всегда спрашиваю себя: ну, хорошо, а сами-то мы готовы ли играть «Чехова восьмидесятых»? Сумеет ли мы угадать его среди других, а если сумеем — будет ли наше собственное

искусство ему соответствовать? И подчас всерьез побаиваюсь, что не будет. Многие тенденции в современном театральном процессе кажутся мне если не опасными, то во всяком случае — неплодотворными. Больше всего, на мой взгляд, это касается актерского творчества.

То, что театр выдержал конкуренцию кинематографа и телевидения, не поддается сомнению. Общепризнанным стал тезис о главенствующей роли режиссуры в театре двадцатого столетия. Только почему начало эры режиссуры связывают лишь с именами ныне действующих режиссеров? Несправедливо и даже неверно.

Родители этой профессии, ее рыцари и пока непревзойденные мастера — Станиславский и Немирович-Данченко. А непревзойденные потому, что режиссура в их представлении может существовать и развиваться только вместе с актерским искусством. И если их спектакли для всего мирового искусства остались легендой, эталоном, классикой, образцом, то именно по той причине, что эти спектакли становились одновременно выдающимися созданиями артистов-художников. Не случайно сегодня становятся все большей редкостью актерские работы, о которых можно было бы говорить как об открытии, как о потрясении.

Агрессивная режиссура, преобладание постановочных решений, самоцельной зрелищности, столь распространенные в последнее время, — все это вместе в достаточной мере девальвировало исполнительское искусство. Оно воистину стало исполнительским: появились артисты и целые группы артистов, обслуживающих данного режиссера и вполне довольствующихся такой миссией.

Театральный процесс — удивительно един в своих тенденциях. Иной раз диву даешься, как молниеносно мода, ролившаяся на столичных подмостках, долетает, условно говоря, до Владивостока. И вот уже, смею сказать, всюду царствует некий среднестатистический актер, умеющий всего понемногу: иронизировать, цет, танцевать и т. п., кроме одного — создавать характер подлинно живого и неповторимого человека.

Сложнее всего быть реалистом. Думаю, это касается любой области искусства, и актерского особенно.

Для актера-реалиста органически невозможен любой повтор, любая «заученность» чувств. Невозможно рождение новой жизни вне открытия. Спектакль, замешанный на механическом воспроизведении замысла режиссера, в театре психологической правды превращается в зрелище антихудожественное, даже стыдное. Искусство актера-реалиста должно и может быть только живым. Только живым!

Грядущие победы Московского Художественного театра будут связаны с именами артистов — я в этом глубоко убежден. Когда на репетицию соберется группа артистов, великом подчиняющих свой талант идее спектакля и законам ансамбля, наверное, их работу и будет охранять «чайка», и благословит она их на спектакль, достойный великого названия.

Вероятно, любой или почти любой главный режиссер, думая о будущем, перечислит приблизительно одни и те же проблемы. Вероятно, если полистать газетные подшивки, проблемы будут повторяться достаточно регулярно. Противостоит ли это было бы, если вдруг в каком-то театре актерское мастерство признали совершенным или если бы какой-нибудь завлит сказал: «Извините, пожалуйста, но хорошие пьесы нам больше не нужны».

Живое искусство театра движется вместе со временем.

Олег ЕФРЕМОВ.
Народный артист СССР.